

О СТАТУСЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ РАЗНОЧТЕНИЙ В СПИСКАХ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 2 (42)

УДК611.161'37(091):621.161.1"1110/1118

DOI:10.24144/2663-6840/2019.2(42).104–112.

Устюгова Л. Про статус лексичних різночитань у списках «Повісті минулих часів»; кількість бібліографічних джерел – 20; мова російська.

Анотація. Проблема взаємодії книжної церковнослов'янської і живої розмовної мов у процесі становлення літературних мов східних слов'ян, незважаючи на свою актуальність, є найменш дослідженою щодо конкретного мовного матеріалу. Для її розв'язання найбільший інтерес представляють ті оригінальні твори, мова яких характеризується широким поєднанням елементів високої церковнослов'янської книжності і живої розмовної мови східних слов'ян. Саме до таких пам'ятників належать літописи, які допускають максимальну свободу цього поєднання, і зокрема «Повість минулих часів», яка збереглася в низці списків, що розрізняються за територіальною і часовою приналежністю.

У статті представлені результати зіставного вивчення за 6 списками «Повісті минулих часів» функцій книжнослов'янізмів, тобто слів, які мають у своїй структурі яскраво виражені ознаки співвіднесеності зі старослов'янською (пізніше – церковнослов'янською) мовою, і парних східнослов'янізмів. Оскільки основний корпус слів, що протиставлені як книжнослов'янізми і східнослов'янізми, складають лексеми з неповноголосними / повноголосними поєднаннями в коренях, об'єкт дослідження обмежено різночитаннями у використанні цих лексем. Як вихідні використовуються показки Лаврентіївського списку, найбільш авторитетного серед тих, що збереглися. З матеріалами цього списку порівнюються дані інших 5 списків – Радзивілівського й Академічного (Лаврентіївська група), Іпатіївського, Хлебниковського і Погодінського (Іпатіївська група).

Проведений аналіз текстів виявив в Л-списку очевидну перевагу лексем з неповноголосними коренями як за їх загальною кількістю (179 одиниць), так і за частотністю вживання (1150 прикладів), при цьому у кожному 5 використанні зазначених лексем спостерігаються різночитання з іншими списками. У повноголосних лексемах ці параметри дорівнюють відповідно 98 і 338 одиницям. Різночитання фіксуються в кожному 3 прикладі вживання таких слів. Характерною особливістю виявлених різночитань є різноманіття їх типів, яке в узагальненому вигляді можна звести до 2 груп: 1) відмінності за списками, які так чи інакше пов'язані з коренями типу *-tort-/*-tert- (ворогъ // врагъ, среда // среда, гладь // голодь і голодь // гладь тощо);

2) текстологічні різночитання, котрі обумовлені відсутністю в Л-списку порівнюваного фрагмента тексту або лексеми, що аналізується.

Автор статті ставить під сумнів певну недооцінку значення лексичних різночитань для вирішення низки загальнотеоретичних питань, що стосуються походження і розвитку літературних мов східних слов'ян. Це спостерігається в дослідженнях деяких сучасних лінгвістів, зокрема Б. А. Успенського, який вважає, що тільки фонетичні та граматичні ознаки однозначно вказують на характер тексту. У статті підкреслюється, що фонетична адаптація старослов'янських пам'яток почалася з моменту появи писемності на Русі, а морфологічні системи старослов'янської мови і живої розмовної мови східних слов'ян у період раннього середньовіччя визначалися досить високим ступенем близькості, що само по собі унеможливило їх послідовне протиставлення.

Ключові слова: церковнослов'янська мова, книжнослов'янізми, східнослов'янська мова, літопис, лексеми з неповноголосними / повноголосними поєднаннями в коренях, різночитання, списки літопису.

Постановка проблеми. Несмотря на то что особенности взаимодействия книжного церковнославянского и живого разговорного языков в процессе становления литературных языков восточных славян совершенно справедливо считаются ключевой проблемой языковой ситуации в средневековой Руси, данная проблема до сих пор относится к числу наименее исследованных на конкретном языковом материале. Это способствует возникновению умозрительных концепций, устанавливающих для указанных языков отношения дополнительного распределения, поскольку церковнославянский язык в отличие от 'профанного, некультурного, непросвещенного' разговорного языка восточных славян был языком 'сакральным, культурным, просвещенным' [Успенский 1983, с. 5–10, 32].

Анализ исследований. М.Л. Ремнёва, предлагая единую программу анализа письменных источников, базирующуюся только на 6 грамматических признаках, делает вывод о церковнославянском

языке как литературном языке восточных славян [Ремнёва 2003, с. 5–8]. В отличие от М.Л. Ремнёвой, обосновывающей два типа нормы, В.М. Живов для анализа языка памятников письменности выдвинул идею двух регистров — стандартного и гибридного [Живов 1996, с.16], что в целом обладает ещё большей степенью теоретической неопределённости, чем подвергшиеся в свое время критике два типа древнерусского литературного языка у В.В. Виноградова [Виноградов 1977, с.102–135]. Между тем, в письменном наследии восточных славян имеется достаточное количество памятников, язык которых характеризуется широким совмещением элементов высокой церковнославянской книжности и живой восточнославянской речи. К ним относятся прежде всего летописи, допускающие максимальную свободу такого совмещения, и особенно их списки, имеющие различную территориальную и временную принадлежность. Таким памятником является и «Повесть временных лет», уже более

900 лет бытующая в культурном пространстве восточных славян. Этот памятник имеет длительную историю своего изучения историками, языковедами, литературоведами и т. д., и тем не менее многие его тайны до сих пор ещё не раскрыты, о чём свидетельствуют, например, материалы Международной конференции «Повесть временных лет» и начальное летописание: К 100-летию книги А.А. Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (Москва, 22 – 25 октября 2008 г.) [Материалы 2008, с. 5–99]. Всё вышесказанное подчёркивает актуальность новых исследований «Повести временных лет», в частности касающихся структуры текста и особенностей языка этого памятника [Данилевский 2004; Шайкин 2011; и др.].

Изложение основного материала. Объектом исследования в настоящей статье являются различия в использовании лексем с неполногласными и полногласными сочетаниями в корнях (далее -trat/-torot-лексем), **составляющих** основной корпус слов, противопоставленных как книжнославянизмы и восточнославянизмы не только в «Повести временных лет», но и в целом в литературном языке раннего Средневековья. Это убедительно подтверждает сравнение частотности употребления данных лексем в «Словаре древнерусского языка (XI — XIV вв.)» [Словарь 1988-2008, тт. 1-8] и в «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) по Лаврентьевскому списку (далее Л-список). Например:

Таблица 1. Количественное соотношение книжнославянизмов и восточнославянизмов

«Словарь древнерусского языка» (XI — XIV вв.)	Соотношение	«Повесть временных лет» по Л-списку (1377 г.)	Соотношение
брегъ (78) берегъ (135)	1 / 1,7	брегъ (6) берегъ (7)	1 / 1,1
владѣти (167) володѣти (14)	11,9 / 1	владѣти (5) володѣти (6)	1 / 1,2
власть (918) волость (497)	1,8 / 1	власть (26) волость (11)	2,4 / 1
глава (~2000) голова (143)	13,9 / 1	глава (27) / голова (6)	4,5 / 1
градъ (~1000) городъ (847)	1,18 / 1	градъ (196) / городъ (53)	3,7 / 1
древо (619) дерево (10)	61,9 / 1	древо (18) дерево (1)	18 / 1
злато (616) золото (82)	7,5 / 1	злато (19) / золото (3)	6,3 / 1
златыи (193) золотыи (99)	1,9 / 1	златыи (8) золотыи (1)	8 / 1
кладязь (33) / колодязь (8)	4 / 1	кладязь (5) колодязь (4)	1,25 / 1
нравъ (306) / норовъ (31) и др.	9,8 / 1	нравъ (6) норовъ (2)	3 / 1

Из таблицы 1 видно, что только в двух случаях (в парах брегъ 6 / берегъ 7 и владѣти 5 / володѣти 6) в ПВЛ наблюдается незначительное количественное преобладание -torot-лексем. В остальных 8-ти парах и в «Словаре», и в летописи представлено большее количество книжнославянизмов [Устюгова 2005, с. 90–98].

Цель нашего исследования – определение статуса лексических различий в процессе формирования литературного языка восточных славян в период раннего Средневековья. В своей работе мы исходим из требований разработанного А.А. Шахматовым и Л.Л. Васильевым лингвотекстологического метода исследования памятников письменности, предполагающего изучение по возможности всех имеющихся списков памятника и учёт всего фактического материала по изучаемой проблеме [Жуковская 1977, с. 10–21].

В настоящей статье представлены результаты проведённого нами сопоставительного изучения по 6 спискам ПВЛ различий в использовании книжнославянизмов, т. е. слов, имеющих в своей структуре явно выраженные признаки соотносённости со старославянским (позже — церковнославянским) языком, и соотносительных восточнославянизмов. В качестве исходных используются показатели Л-списка как наиболее авторитетного из числа сохранив-

шихся. С материалами этого списка сравниваются данные остальных 5 списков — Радзивиловского и Академического (Лаврентьевская группа), Ипатьевского, Хлебниковского и Погодинского (Ипатьевская группа) [Источники]. Привлекаемые для исследования списки, относясь к числу основных списков ПВЛ, различаются территориальной (юго-восток, запад, северо-запад, юг и юго-запад Руси) и временной (XIV — начало XVII вв.) приуроченностью, а также отражением в них различных редакций анализируемого памятника, в том числе и связанных с деятельностью новгородских книжников [Гиппиус 2007, с. 20–44; Гиппиус 2008, с. 3–24]. Выявленные нами различия в употреблении соотносительных -trat/-torot-лексем в зависимости от особенностей текста ПВЛ, представленного в данных списках, рассматривались следующим образом: 1) Различия между Лаврентьевским и Ипатьевским списками;

2) Различия между списками Лаврентьевской группы (Лаврентьевским, с одной стороны, и Радзивиловским и Академическим с другой, а также между Радзивиловским и Академическим);

3) Различия между списками Ипатьевской группы (Ипатьевским, с одной стороны, и Хлебниковским и Погодинским с другой, а также между Хлебниковским и Погодинским) [Устюгова 1975; Устюгова 1987, с. 90–104; и др.]. Например:

Таблица 2. Образец разночтений между списками ПВЛ *

№№ п / п	Лаврентьевский список	Р-, А-	Ипатьевский	Х-, П-
1.	рѣша же дружина Игореве... то что хоцемъ боле того не бившеса имати злато и сребро и паволокы [Л-944, 20] ¹	хоцемъ++ злато и сребро [21]	хоцемъ злато и сребро [33]	хоцемъ золото и сребро [31]
2.	вышедше изъ града Изькоростѣня деревляне [Л-945, 28]	исшедше ис города++ [27]	ишедше из города [40]	изшедше из града [39]
3.	заложити... церковь на золотыхъ воротѣхъ [Л-1037, 102]	на злотыхъ воротехъ Р- А- как И-	на златыхъ вратѣхъ [110]	на златыхъ вратѣхъ [132]

Примеры из таблицы 2 дают только частичное представление о характере разночтений между списками. Ниже указываются наиболее характерные типы этих разночтений. Отметим, что при сборе фактического материала мы использовали рукописи перечисленных памятников, которые, как известно, относятся к числу малодоступных источников, особенно Лаврентьевская и иллюстрированная Радзивилловская летописи. Опубликованные тексты привлекались лишь частично, поскольку в них интересные для лингвистов разночтения указывались далеко не всегда, особенно в 1-м томе «Полного собрания русских летописей» (в таблице 2 такие раз-

ночтения отмечены знаком ++, поставленным около слова слева).

Для определения статуса лексических разночтений в списках ПВЛ мы произвели количественный анализ -trat-/torot-лексем, представленных в Л-списке, разграничивая прежде всего количество единичных (время, жребии, тереба, скоророхъ) и соотносительных (древо // дерево, злато // золото, воронь // врань) лексем и примеров их употребления. У соотносительных лексем определяется количество разночтений и частотность употребления, в том числе и в разночтениях. Результаты этого анализа отражены в таблице 3:

Таблица 3. Количественная характеристика лексем с неполногласными / полногласными корнями в Л-списке ПВЛ

Количество	Лексемы		Употребление		Разночтения	Частотность лексем	
	единичные	соотносительные	единичных	соотносительных		в употреблении	в разночтениях
-trat- лексемы	65 36%	114 64%	476 41%	674 59%	226	5,9	2,98
179		1150					
-torot- лексемы	22 22%	76 78%	47 14%	291 86%	105	3,8	2,77
98		338					

Как видно из таблицы 3, для Л-списка характерно явное преобладание лексем с неполногласными корнями по всем рассмотренным признакам: по их общему количеству (179 единиц против 98), по общей частотности употребления (1150 примеров против 338), по количеству разночтений между соотносительными лексемами (226 против 105), по

средней частотности их употребления (5,9 против 3,8). Однако при столь показательных различиях между лексемами с неполногласными и полногласными корнями их частотность в разночтениях почти совпадает — соответственно 2,98 и 2,77. Эти данные нам представляются весьма значимыми с точки зрения определения особенностей механизма ста-

* В таблице 2 по техническим причинам используется современная графика. Дополнительный знак вводится только для буквы ѣ 'ять'. В остальных случаях иллюстративный материал передаётся ижицей, но с упрощённой орфографией. В конце примеров из текста ПВЛ начальной буквой обозначается список, далее идёт указание года летописной статьи в переводе на современное летоисчисление и страница фототипического издания рукописи (для Лаврентьевского, Ипатьевского и Радзивилловского списков) или листа самой рукописи (для Академического, Хлебниковского и Погодинского списков).

новления литературного языка восточных славян. На наш взгляд, они свидетельствуют о более высокой степени интенсивности преобразований в кругу неполногласных лексем по сравнению с полногласными. Многообразие типов разночтений подчёркивает широту распространения этих преобразований. Зафиксированные в анализируемых списках ПВЛ разночтения мы распределили по двум группам, каждая из которых объединяет по несколько подтипов. К первой группе отнесены разночтения, в той или иной степени связанные с корнями типа *-tort-/*-tert. Это следующие подтипы:

1.1. Разночтения соотносительных по структуре -trat-/-torot-лексем, каждая из которых зафиксирована в положении исходной лексемы, т. е. при разночтении типа **брегъ // берегъ, врата // ворота, норовъ // нравъ** и др. возможны и противоположные замены — **берегъ // брегъ, ворота // врата, нравъ // норовъ**. Как правило, этот подтип разночтений характерен для многозначных лексем (власть / во-лость, глава / голова, страна / сторона и т. д.), причём количественное преобладание чаще всего наблюдается у неполногласных лексем.

2.1. К подтипу 1.1. примыкает подтип одноподчиненных разночтений, в которых позицию исходной лексемы может занимать только один из членов пары соотносительных слов. Этот подтип характерен преимущественно для лексем с низкой частотностью употребления — **клада 2 / колода 1, храмъ 3 / хоромъ 2, среда 1 / среда 2, черево 1 / чрево 2**.

Подтипы 1.1 и 1.2. являются продуктивными. Большая часть зафиксированных нами разночтений отражает именно эти подтипы. К числу непродуктивных относятся разночтения между однокоренными лексемами, различающимися приставками — **облечи // възвлечи** (подтип 1.3); разночтения между однокоренными словами, имеющими структурные различия, которые могут дополняться частеречными различиями, — **градъкъ // городъ, градъ; люди градъскыи // горожаны** (подтип 1.4); в отдельных примерах разночтений, характерных прежде всего для Радзивиловского списка ПВЛ, исходное слово (**совлокѣтъся // РА- сволокѣтъся; Х- сволокѣтъся**) или разночтение (**браняше // Р- броняше**) включают западнославянский вариант корня (подтип 1.5).

Вторую группу образуют разночтения, которые мы определяем как текстологические. Их основным признаком является отсутствие в Л-списке определённого фрагмента текста (подтип 2.1) или исходной -trat-/-torot-лексемы, зафиксированной в других списках (подтип 2.2). В нашем материале подтип 2.1 представлен 41 примером, из которых 23 относятся к лексемам **градъ** (21) и **городъ** (4). Например: **тогда возъмѣт мѣсячное свое... первое от города Кнева...** — [Л-945, 23] // **от города ... ис прочихъ городовъ** [Р-, А- 24] // **отъ града ... городаы** [И- 35].

Отсутствие только исходной лексемы менее показательно в текстологическом отношении, так как в таких случаях можно предполагать и ошибку запоминания (термин Д.С. Лихачёва). Ср. 1-й и 2-й

примеры: 1) **аще не пристѣпнѣтъ с ѹтра — преда-тися имамъ печенѣгомъ** [Л-968, 38] // **аще не пристѣпнѣтъ ѹтро подъ го-родъ...** [И-49]; 2) **новгородцю же сѣдящю на порозѣ тоя храмыны** — [Л-1071, 119] // **новгородцю же сѣдящю на порозѣ тоя храмыны въ сторонѣ** [И- 129]; **...въ сторонѣ** [Х-, П- 156]. Отсутствие в Л-списке лексемы **въ сторонѣ**, на наш взгляд, можно квалифицировать как ошибку запоминания.

При исходных лексемах с полногласными / неполногласными сочетаниями в корне встречаются разночтения с другими корнями: **владѣти // княжити, сволокоша // сняша, в черевьяхъ // в вотеухъ** (в отдельных списках); **волости // части, мразомъ // сланю** (в нескольких или во всех списках).

Нами зафиксированы также примеры отсутствия исходной лексемы в разночтениях: **бѹди вамъ єдина власть Перемышль** [Л-1100, 184] // **бѹди вамъ Перемышль** [И-186] // **бѹди вамъ Перемышль** [Х- 230]; **Святополкъ сръби городъ Гюргевъ** [Л-1103, 187] // **сръби Юрьевъ** [Р- 151] // **сръби Гурьговъ** [И-184] // **сръби Юрьевъ** [Х- 232]. На наш взгляд, для таких разночтений можно ввести понятие 'нулевая лексема'.

Многообразие типов разночтений предопределяет и особенности их представления. Для целей нашего исследования актуальны количественные характеристики лексем в разночтениях, поэтому в общем перечне в круглых скобках указывается количество каждой лексемы в «Словаре древнерусского языка (XI – XIV вв.)», а без скобок — в Л-списке ПВЛ. Через дефис обозначается общее количество разночтений у данной лексемы. Слова, не представленные в Л-списке, отмечаются знаком тире. Например: **вравни (1*) 1-1 // воровни (6*) 6; время (>1000) 43-5 // веремя (122) —**. Затем из этих перечней выделяются все разночтения: 1) **гладъ 17-4 // голодъ 2-1**; и 2) **голодъ 2-1 // гладъ 17-4** и т. д. При перечислении разночтений количественные характеристики несколько изменяются — убираются данные из «Словаря», а количество разночтений указывается для каждого конкретного случая. Однокоренные лексемы объединяются в блоки. Например, однокоренные слова с корнями **-злат-** / **-золот-**:

1. **злато (616) 19-5 // золото (82) 3-1**
 - 1.1. **злато 19-5 // золото 3-1**;
 - 1.2. **золото 3-1 // злато 19-5**;
 - 1.3. Текстологические различия
 - а) отсутствие текста в Л- (3 примера).
2. **златъ[ыи] (193) 8-2 // золотъ[ыи] (99) 1-1**
 - 2.1. **златъ[ыи] 8-2 // золотъ[ыи] 1-1**;
 - 2.2. **золотъ[ыи] 1-1 // златъ[ыи] 8-2**.
3. **златъникъ (72) 3-3 // золотъникъ (10) 2**
 - 3.1. **златъникъ 3-3 // золотъникъ 2**.

В некоторых случаях образуются довольно сложные ряды однокоренных лексем. Ср.: **градъ (~1000) 196 -111 // городъ (847) 53 - 30 // градъкъ (3*) 4 - 4 // городъкъ (49) — // гражане (99) 4**

// горожане (42) 3 // (люди) градъскыи (185) 4-1 // градъныи (45) 2-1 // городъныи (10) 1-1. Такие ряды отличаются от попарного объединения однокоренных лексем тем, что их компоненты могут входить в несколько типов разночтений:

1) градъ 196-109 // городъ 53-30; 2) градъ 196-1 // городъкъ –; 3) градъ 196-1 // гражане 4, горожане 3; 4) городъ 53-30 // градъ 196-111; 5) градъкъ 4-2 // городъкъ –; 6) градъныи 2-1 // городъныи (10) 1-1; 7) [на воротѣхъ] городныхъ 1-1др. // [на воротѣхъ] святаго Федора; 8) горожане 3-1 // гражане 4; 9) градъскыи 4-1 // горожане 3.

Разночтения многозначных лексем подразделяются по лексико-семантическим вариантам:

власть (918) 26-6 // **волость** (497) 11-5 // **часть** 8

1. Лексико-семантический вариант ‘земля, находящаяся чьём-то владении’:

1.1. **власть** 26-2 // **волость** 11-5;

1.2. Текстологические различия:

а) пропуск исходной лексемы в разночтениях;

б) отсутствие текста в Л-;

в) другая лексема в разночтениях:

волость 11-1 // **часть** 8.

2. Устойчивые словосочетания:

2.1. **перети волость** 11-1 // **прити власть** 26;

2.2. **прити волость** 11-1 // **прити власть** 26;

2.3. **перети власть** 26-1 // **прити волость** 11;

2.4. **прити власть** 26-1 // **прити волость** 11.

3. Лексико-семантический вариант ‘право’:

3.1. **волость** 11-2 // **власть** 26-6;

3.2. **власть** 26-1 // **волость** 11-5.

Анализ разночтений даёт возможность если не воссоздать, то хотя бы наметить пути формирования закрепившихся приёмов использования восточнославянских. В списках ПВЛ выявлены следующие приёмы, ставшие в известной степени стандартизованными: 1) для обозначения реалий восточнославянского быта и этикета, причём это могут быть как отдельные лексемы (егда же при-спѣяше зима и мрази лютии станяше в правош-няхъ в черевьяхъ в протоптаныхъ яко примерз-няшета нозѣ его г камени [Л-1074, 130] – стояше въ углыхъ вотехъ [Р-, 112]), так и устойчивые словосочетания-формулы (вземъ полонъ вещь-ленъ [Л-971, 45]);

2) в претендующих на историческую достоверность речах летописи (рече Святополкъ яко повѣда ми Давыдъ Игоревичъ яко Василко... тебе хоче ѹбити и зяяти волость твою Тѹровъ и Пинескъ и Берестие [Л-1097, 176]);

3) В текстах, заимствованных из новгородских источников, для которых была характерна близость письменного языка к разговорному. Ср.: **володѣти** (862 г.), **берегъ**, **хоромы**, **перевезтися** (1016 г.), **городъ** (1018 г.), **золото** (1024 г.) на фоне неоднократного использования в других частях памятника соотносительных книжнославянских;

4) при обозначении явлений нехристианского мира или козней дьявола (**сими дьяволъ лстити**

и дръгыми нравы всячьскыи лестьми прева-бляя ны от бога трѹбами и скоморохи... [Л-1068, 114]);

5) в некоторых типах предложно-падежных конструкций. Ср.: **вон Володимери ввержени выша на брегъ** [Л-1044, 104] — **на берегъ**⁺⁺ [Р-, 88]; но **отринѹша лодѣ от берега** [Л-1016, 96] — **от брега**⁺⁺ [Р-, 80]. В Р-списке даётся противоположное распределение соотносительных лексем (**на берегъ**, но **отъ брега**), однако их связь с определённой предложно-падежной конструкцией сохраняется;

6) для соблюдения правил переноса, поскольку -torot- лексемы имели больше вариантов деления на слоги. Ср.: **гла-ва**, но **го-лова**, **голо-ва**. Это отчётливо просматривается в текстах, написанных в два столбца (см. И-список и начало Л-списка):

изнемагати начаша людѣ в градѣ водноу жа-жею и го-лодомъ [Л-1093, 146] – в других списках **гладомъ; начаша кѹмиры творити ови древя-ныя ... а дръзнии мо-роморяны злати и сребрены** [И-986, 69] – в Л-, X- и П- списках **мраморяны**. Применялись и другие способы переноса слов: **не бр^е-жет** [И-971, 54], **вол^о-сть** [И-980, 57] (вынос гласной буквы в межстрочное пространство); **деревляне / деревь-ляне** [И-946, 44] при наличии и такого варианта переноса, как **де-ревляне** [И-946, 43]; **дщерь / изъ дь-щери** [И-980, 70] – вставка букв Ъ и Ь даже там, где таких звуков этимологически и не могло быть (**деревляне**) [Кандаурова 1968, с. 7-18];

7) как результат семантической взаимосвязи с книжнославянскими, при этом семантическое развитие было характерно именно для исконных лексем: **да не имеют волости князь рѹскии да воюеть на тѣхъ странахъ... да не имѣють вла-сти рѹсь зимовати въ вѹстыи Днѣпра...** [Л-945, 25] — лексико-семантический вариант ‘право’. Аналогичный пример из текста договора 912 г., где в значении ‘часть книги, глава, раздел’ употребляется преимущественно книжнославянским **глава** (**и о любви главы таковы** [Р-912, 17]; **не престѹпати ... отъ ѹставленыхъ главъ мира и любви** [Р-912, 18]), однако в разночтении в этом значении зафиксирована -torot-лексема **голова**: **а о главахъ иже сѧ ключитъ проказа** [Р-912, 17] – **о головахъ** [И-, 22]. Лексема **голова** встречается и в значении ‘человек, единица при счёте людей’: **рѣша гръци ... возми дань ... в дамы по числу на главы** [Л-971, 41] – **на головы** [И-, 52];

8) с целью литературной отделки текста — в составе так называемых ‘варьированных наименований’: **рѣша мѹжи Володимери и Давыдови и Олгови... не в Давыдовѣ городѣ ятъ ни слѣплень но в твоёмъ градѣ ятъ и слѣплень** [Л-1097, 176]. Восточнославянские книжники, обучающиеся на памятниках старославянской письменности, не только усвоили характерный для этих памятников принцип варьирования средств выражения, который был имманентным свойством переводческой техники первоучителей славян Кирилла и Мефодия [Верещагин 1972], а впослед-

стивии определился как неотъемлемая черта нормы первого литературного языка славян, но и расширили его возможности путём умелого соединения богатств книжного, старославянского (позднее — церковнославянского), языка и родственного ему их родного разговорного.

‘Варьированные наименования’ — один из частных случаев реализации принципа соединения элементов, имеющих в своей структуре явно выраженные черты различной языковой принадлежности. В анализируемых списках ПВЛ примеры такого соединения зафиксированы не только на уровне чередования однокоренных соотносительных лексем, но и на морфемном уровне (*борон-ени(ј)-е* [И-912, 25], *изъ-волоч-ити* [И-907, 21], *град-окъ* [Л-введ., 7], *пере-треб-уете* [Х-983, 68], *пере-вяза-ющ-е* [А-946, 28], *пре-любодѣич-ичь* [Р-980, 44]); в словосочетаниях (*на златыхъ воротѣхъ* [А-1037, 102], *перя власть* [Л-977, 46], *на здравѣхъ голодѣхъ* [И-1068, 123], *ископати колодязь* [Л-997, 87], *исшедше ис города* [Р-945, 27], *вышедше изъ града* [Л-945, 28], *предъ городомъ* [И-1093, 172], *предъ вороты* [Р-1096, 133]); а также на уровне целых предложений: *бысть мятежь великъ и голодъ повсѣи твои странѣ* [Л-1024, 99]; *начьняхуть роптати на князь глаголюще... да намъ ясти деревяными лъжицами а не сребряными* [Л-996, 86] [Устюгова 1987, с. 100-102].

В некоторых списках, в Радзивилловском в частности, принцип варьирования распространяется даже на графические средства. Ср.: *повелѣ ископати дмѹ — вринуша в мѹ* [Р-945, 28]; *повелѣ засыпати д живы — и засыпаша* [Р-945, 28]; *препоасавши чресла сво крѣпко — ѹтвѣрдитъ мышци своа на дѣло* [Р-980, 45].

Восточнославянизмы, независимо от конкретных причин их употребления, оказываясь в одних контекстах с книжнославянизмами, способствовали формированию определённого стилистического рисунка, ставшего со временем характерным признаком восточнославянских текстов, летописных в частности. Об этом свидетельствуют многочисленные разночтения типа следующих: *даеть ми городъ свои а мои Требоваль моя власть и ныне* [Л-1097, 178] — *градъ ... волость* [И-, 179]; *бысть гладъ великъ в городѣ* [Л-997, 87] — *бѣ во го-лодъ въ градѣ* [И-, 92], *бѣ во голодъ в градѣ* [Х-, 108]; и *бѣ володѣя единъ в Рѹси* [И-977, 57] — *вадѣя одинъ* [Х-, 61]; *вышедше изъ града деревляне* [Л-945, 28] — *ишедше изъ города* [И-, 40]; *рече единъ деревлянинъ* [Л-977, 46] — *одинъ древлянинъ* [И-, 56]; и др. Такой характер разночтений в использовании книжнославянизмов и соотносительных восточнославянизмов между основными списками ПВЛ даёт основание предполагать, что стремление к ‘взаимному тяготению’ однородных в стилистическом отношении элементов и случаи соединения в пределах тесно связанного контекста элементов, имеющих в своей структуре явно выраженные черты различной языковой

принадлежности, были двумя исконно присущими тексту памятника и параллельно развивающимися тенденциями, регулирующими выбор книжнославянизмов и восточнославянизмов, причём эти тенденции отчётливо осознавались книжниками на протяжении довольно длительного времени, с XII в. по XIV в. во всяком случае, так как именно в этот период текст памятника претерпел наибольшие изменения (иначе см. в [Пашен 1933, с. 59-60; Улуханов 1964, с. 141-142]).

Наиболее последовательный и систематизированный характер имеют разночтения между списками Лаврентьевской группы (Лаврентьевский, Радзивилловский и Академический), с одной стороны, и списками Ипатьевской группы (Ипатьевский, Хлебниковский и Погодинский), с другой стороны, при этом преобладающей является следующая разновидность разночтений — «неполногласной лексеме списков Лаврентьевской группы соответствует полногласная лексема в списках Ипатьевской группы». Целенаправленный характер этих различий отчётливо проявляется на фоне использования соотносительных лексем, различающихся по признаку *щ/ч* (из *tj, *kti / *gti): в списках И-группы преобладают книжнославянизмы *дѣщи, ночь, пещера*, личные формы глагола *хотѣти хощю, хощеши, хощеть* и др.), что, возможно, отражает своеобразную реакцию новгородских книжников на цоканье (в И-списке, например, в статье 941 г. зафиксирован диалектизм *на ночь*).

Многообразие типов разночтений и приёмов использования восточнославянизмов даёт основание говорить о принципиальных различиях между лексическими и грамматическими разночтениями, зафиксированными в списках ПВЛ. Эти различия предопределяются целым рядом факторов, главным из которых в условиях гомогенного двуязычия является бóльшая степень устойчивости грамматических особенностей взаимодействующих языков [Устюгова 2008, с. 89-95]. Даже в формах и функциях такой сугубо книжной категории, как причастия, имеющих в том числе и отчётливые стилистические характеристики, в списках ПВЛ зафиксировано очень мало разночтений. Восточнославянизмы представлены в основном небольшим количеством словоформ на *-учи / -ачи*: *понадѣчи, приходячи / приходяче, хотячи* [Л-907, 31] *идѹчи, впрячи, вдадѹче* [Л-Введ., 12-13] и др. Поэтому утверждение Б.А. Успенского, считающего, что только фонетические и грамматические признаки однозначно определяют характер текста [Успенский 2002, с.192-195, 261-263], нам представляется недостаточно обоснованным. Высокая степень близости грамматических систем старославянского языка и живого разговорного языка восточных славян в период раннего Средневековья сама по себе исключала их последовательное противопоставление, в то время как лексические разночтения дают богатый материал для решения ряда общетеоретических вопросов, касающихся происхождения и развития литературных языков восточных славян.

ИСТОЧНИКИ

1. Летопись Нестора с продолжением до 1419 г. Рукопись б. Московской Духовной Академии. Российская Государственная библиотека, Отдел рукописей, № 236 [Академический список ПВЛ, А-список]
2. Несторова Российская летопись. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей, F • IV • 230 [Хлебниковский список ПВЛ, X-список].
3. Повесть временных лет по Ипатскому списку. Издание Археографической комиссии (Фотолитографическим способом). СПб., 1871 [И-список].
4. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Издание Археографической комиссии (посредством светопечати). СПб., 1872 [Л-список].
5. Погодинское собрание, № 1401. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей [Погодинский список Пов. вр. л., П-список].
6. Радзивилловская или Кенигсбергская летопись [Radzivil or Koenigsberg Chronicle]. Фототипическое издание. Общество любителей древней письменности. СПб., 1902 [Р-список].

REFERENCES

1. Letopis Nestora s prodolzheniem do 1419 g. [Chronicle by Nestor, continued until 1419]. Rukopis b. Moskovskoj Dukhovnoj Akademii. Rossijskaya Gosudarstvennaya biblioteka, Otdel rukopisej, № 236 [Akademicheskij spisok PVL, A-spisok] [in Russian].
2. Nestorova Rossijskaya letopis [Nestor's Russian Chronicle]. Gosudarstvennaya publichnaya biblioteka im. M. E. Saltikova-Shhedrina, Otdel rukopisej, F • IV • 230 [Khlebnikovskij spisok PVL, Kh-spisok] [in Russian].
3. Povest vremennykh let po Ipatскому spisku [The Tale of Bygone Years on the Ipatian List]. Izdanie Arkheograficheskoi komissii (Fotolitograficheskim sposobom). SPb., 1871 [I-spisok] [in Russian].
4. Povest vremennykh let po Lavrentievskomu spisku [The Tale of Bygone Years on the Lavrentiy' List]. Izdanie Arkheograficheskoi komissii (posredstvom svetopechati). SPb., 1872 [L-spisok] [in Russian].
5. Pogodinskoe sobranie [Pogodin's collection], № 1401. Gosudarstvennaya publichnaya biblioteka im. M. E. Saltykova-Shhedrina, Otdel rukopisej [Pogodinskij spisok Pov. vr. l., P-spisok] [in Russian].
6. Radzivilovskaya ili Kenigsbergskaya letopis [Radzivil or Koenigsberg Chronicle]. Fototipicheskoe izdanie. Obshhestvo lyubitelej drevnej pismennosti. SPb., 1902 [R-spisok] [in Russian].

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. Избранные труды: История русского литературного языка. Москва: Наука, 1978. С. 65–151.
2. Верещагин Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян: К проблеме греческо-славянских лексических и грамматических вариантов в древнейших славянских переводах. Москва: Изд-во Московского ун-та, 1972.
3. Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет. Ч. 1. Славяноведение. 2007. № 5. С. 20–44; Ч. II. Славяноведение. 2008. № 2. С. 3–24.
4. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. Москва: Аспект-Пресс, 2004. 383 с.
5. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII в. Москва: Языки русской культуры, 1996.
6. Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. Москва: Наука, 1976. 368 с.
7. Кандаурова Т. Н. Случаи орфографической обусловленности слов с полногласием в памятниках XI – XIV вв. Памятники древнерусской письменности: Язык и текстология. Москва: Наука, 1968. С. 7–18.
8. Материалы Международной конференции «Повесть временных лет и начальное летописание» (к 100-летию книги А.А. Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах») (Москва, 22–25 октября 2008 г.). Древняя Русь. Вопросы медиевистики. №3. Материалы Москва: Научно-издательский центр «Индрик», 2008. С. 5–99.
9. Повесть временных лет. Полное собрание русских летописей. Ленинград, 1926. Т. 1.
10. Ремнёва М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. Москва: Изд-во Московского ун-та, 2003. 336 с.
11. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) (СлДЯ XI–XIV вв.): В 10 т. Москва: Русский язык, 1988 – 2008. Т. 1–8.
12. Улуханов И. С. Предлоги предь – передь в русском языке XI–XVII вв. Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. Москва: Наука, 1964. С. 106–186.
13. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Изд. 3-е, испр. и доп. Москва: Аспект Пресс, 2002. 558 с.
14. Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и её значение для истории русского литературного языка. Москва: Изд-во Московского ун-та, 1983.
15. Устюгова Л.М. Характер различий в использовании книжнославянизмов и соотносительных русизмов в основных списках «Повести временных лет» (к проблеме становления норм русского литературного языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – русский язык. Москва, 1975.
16. Устюгова Л. М. Книжнославянизмы и соотносительные русизмы в основных списках «Повести

временных лет». Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому / Отв. ред. Л.П. Жуковская. Москва: Наука, 1987. С. 90–104.

17. Устюгова Л. Стандартизованные случаи использования русизмов в памятниках народно-литературного типа древнерусского литературного языка. Науковий Вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Вип. 11. Ужгород, 2005. С. 90–98.

18. Устюгова Л. К вопросу о единой программе исследования языка памятников древнерусской письменности. Науковий Вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Вип. 18. Ужгород, 2008. С. 89–95.

19. Шайкин А. А. Повесть временных лет: История и поэтика. Москва: Русская панорама, 2011. 616 с.

20. Paschen A. Die semasiologische und stilistische Funktion der trat- / torot- Alternationen in der altrussischen Literatursprache. Heidelberg: Winter, 1933.

REFERENCES

1. Vinogradov V.V. (1978) Osnovnyye problemy izucheniya obrazovaniya i razvitiya drevnerusskogo literaturnogo yazyka [The main problems of studying the education and development of the ancient Russian literary language]. Izbrannyye trudy: Istoriya russkogo literaturnogo yazyka. Moskva: Nauka. S. 65–151 [in Russian].

2. Vereshchagin Ye. (1972) M. Iz istorii vozniknoveniya pervogo literaturnogo yazyka slavyan: K probleme grechesko-slavyanskikh leksicheskikh i grammaticeskikh variantov v drevneyshikh slavyanskikh perevodakh [From the history of the emergence of the first literary language of the Slavs: On the problem of Greek-Slavic lexical and grammatical variations in ancient Slavic translations]. Moskva: Izd-vo Moskovskogo un-ta [in Russian].

3. Gippius A.A. (2008) K probleme redaksiy Povesti vremennykh let [On the problem of editions of the Tale of Bygone Years]. Ch. 1. Slavyanovedeniye. 2007. № 5. S. 20–44; CH. II Slavyanovedeniye. № 2. S. 3–24 [in Russian].

4. Danilevskiy I.N. (2004) Povest vremennykh let: Germenevticheskiye osnovy izucheniya letopisnykh tekstov [A Tale of Bygone Years: Hermeneutical Foundations of the Study of Annals]. Moskva: Aspekt-Press. 383 s. [in Russian].

5. Zhivov V.M. (1996) Yazyk i kultura v Rossii XVIII v. [Language and Culture in Russia of the 18th Century]. Moskva: Yazyki russkoy kultury [in Russian].

6. Zhukovskaya L.P. (1976) Tekstologiya i yazyk drevneyshikh slavyanskikh pamyatnikov [Textology and language of the most ancient Slavic monuments]. Moskva: Nauka. 368 s. [in Russian].

7. Kandaurova T.N. (1968) Sluchai orfograficheskoy obuslovlennosti slov s polnoglasiem v pamyatnikakh XI – XIV vv. [Cases of spelling conditionality of words with full consonance in the monuments of the XI – IV centuries] Pamyatniki drevnerusskoy pismennosti: Yazyk i tekstologiya. Moskva: Nauka. S. 7–18 [in Russian].

8. Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii (2008) «Povest vremennykh let i nachalnoye letopisaniye» (k 100-letiyu knigi A.A. Shakhmatova «Razyskaniya o drevneyshikh russkikh letopisnykh svodakh») [Materials of the International Conference «The Tale of Bygone Years and the Initial Chronicle» (on the 100th anniversary of A. A. Shakhmatov's book «Investigations on the Most Ancient Russian Annals»)] (Moskva, 22–25 oktyabrya 2008 g.). Drevnyaya Rus. Voprosy mediyevistiki. №3. Materialy. Moskva: Nauchno-izdatelskiy tsentr «Indrik», 2008. S. 5–99 [in Russian].

9. Povest vremennykh let (1926) [Tale of Bygone Years]. Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Tale of Bygone Years]. Leningrad. T. 1. [in Russian].

10. Remnyova M.L. (2003) Puti razvitiya russkogo literaturnogo yazyka XI – XVII vv. [Ways of development of the Russian literary language of the XI – XVII centuries]. Moskva: Izd-vo Moskovskogo un-ta. 336 s. [in Russian].

11. Slovar drevnerusskogo yazyka (XI – XIV vv.) (1988 – 2008) [Dictionary of Old Russian (XI – XIV vv.)]: V 10 t. Moskva: Russkiy yazyk. T. 1–8. [in Russian].

12. Ulukhanov I.S. (1964) Predlogi pred – pered v russkom yazyke XI – XVII vv. [Prepositions pred – pered in Russian XI – XVII centuries]. Issledovaniya po istoricheskoy leksikologii drevnerusskogo yazyka. Moskva: Nauka. S. 106–186 [in Russian].

13. Uspenskiy B.A. (2002) Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI – XVII vv.) [History of Russian literary language (XI – XVII vv.)]. Izd. 3-ye, ispr. i dop. Moskva: Aspekt Press. 558 s. [in Russian].

14. Uspenskiy B.A. (1983) Yazykovaya situatsiya Kiyevskoy Rusi i yeyo znacheniyе dlya istorii russkogo literaturnogo yazyka [The linguistic situation of Kiev Rus and its significance for the history of the Russian literary language]. Moskva: Izd-vo Moskovskogo un-ta [in Russian].

15. Ustyugova L.M. (1975) Kharakter razlichiy v ispol'zovanii knizhnoslavyanizmov i sootnositel'nykh rusizmov v osnovnykh spiskakh «Povesti vremennykh let» (k probleme stanovleniya norm russkogo literaturnogo yazyka) [The nature of the differences in the use of book Slavism and correlative Rusisms in the main lists of «Tales of Bygone Years» (to the problem of the formation of the norms of the Russian literary language)]: Avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk. Russkiy yazyk. Moskva [in Russian].

16. Ustyugova L.M. (1987) Knizhnoslavyanizmy i sootnositel'nyye rusizmy v osnovnykh spiskakh «Povesti vremennykh let» [Book Slavisms and Corresponding Rusisms in the Main Lists of the «Tales of Bygone Years»]. Drevnerusskiy literaturnyy yazyk v yego otnoshenii k staroslavianskomu / Отв. ред. L.P. Zhukovskaya. Moskva: Nauka. S. 90 –104 [in Russian].

17. Ustyugova L. (2005) Standartizovannyye sluchai ispol'zovaniya rusizmov v pamyatnikakh narodno-literaturnogo tipa drevnerusskogo literaturnogo yazyka [Standardized cases of the use of Russianisms in the monuments of the popular literary type of the Old Russian literary language]. Naukovyi Visnyk Uzhhorodskoho universytetu. Seriya: Filolohiya. Vyp. 11. Uzhhorod. S. 90–98 [in Russian].

18. Ustyugova L. (2008) K voprosu o edinoj programme issledovaniya yazyka pamyatnikov drevnerusskoj pismennosti. [To the question of a unified program for the study of the language of monuments of ancient Russian writing]. Naukovyi Visnyk Uzhhorodskoho universytetu. Seriya: Filolohiya. Vyp. 18. Uzhhorod. S. 89–95 [in Russian].

19. Shaykin A.A. (2011) Povest vremennikh let: Istoriya i poetika [To the question of a unified program for the study of the language of monuments of ancient Russian writing]. Moskva: Russkaya panorama. 616 s. [in Russian].

20. Paschen A. (1933) Die semasiologische und stilistische Funktion der trat- / torot- Alternationen in der altrussischen Literatursprache. Heidelberg: Winter [in German].

THE STATUS OF LEXICAL DISTINCTIONS IN LISTS of «TALK OF TIME YEARS»

Abstract. The problem of the interaction of Church Slavonic and Russian folk languages in the process of formation of literary languages among the Eastern Slavs is the most important and least studied on the exact language material. For its solution, the most interesting are the original texts, which combine elements of Church Slavonic and folk languages. Such texts include annals, for example, The Tale of Bygone Years. His text reflects this process very much, and it has been saved in many lists, which differ in territorial and temporal characteristics.

In the article, the author presented the results of a comparative study of 6 lists of «Tales of the Past». The author studied the functions of book Slavic words, that is, words that have in their structure signs of the Old Slavic (later – Church Slavonic) language and signs of the East Slavic language. The bulk of such words are words mapped as book Slavic and East Slavic. These include tokens with non-pleophonic / pleophonic words with roots in themselves. Therefore, the subject of research is limited by differences in the use of these words. As a basic material, the author uses the data of the Lavrentievsky list, as the most authoritative of the survivors. Data from the other 5 lists are compared with materials in the first list: Radzivilovskiy and Academic (Lavrentievskiy group), Ipatievskiy, Khlebnikovskiy and Pogodinskiy (Ipatievskiy group).

The analysis showed the predominance of words with non-pleophonic roots in the L-list in terms of number (179 units) and frequency of use (1150 examples). The author notes that in one case out of 5, the use of these words reflects a mismatch with other lists.

For pleophonic roots, these parameters are 98 and 338 units, respectively. Differences are noted in every third example of the use of these words. A characteristic feature of the discrepancies is the diversity of types. All types are divided into 2 groups: 1) differences in lists that are associated with roots of the type * -tort - / * - tert- (врагъ // ворогъ, среда // среда, гладь // голодь и голодь // гладь etc.); 2) textual inconsistencies caused by the absence of a fragment or word in the text of the L-list.

The author of the article calls into question theories in which the role of lexical differences in solving common theoretical problems, the origin and development of literary languages among the Eastern Slavs is underestimated. This, for example, is the theory of the modern linguist B. A. Uspensky. B. A. Uspensky believes that only phonetic and grammatical signs uniquely determine the nature of the text. The author of the article notes that the phonetic adaptation of the Old Slavonic texts began from the moment the writing appeared in Russia. The system of the old Slavic language and the Eastern Slavic folk language in the early Middle Ages was similar. This fact ruled out their consistent opposition.

Keywords: Church Slavonic, East Slavic, Chronicle, with non-pleophonic words, pleophonic roots, discrepancies, List of Chronicle.

Стаття надійшла до редакції 25 жовтня 2019 р.

© Устюгова Л., 2019 р.

Людмила Устюгова – доктор філологічних наук, професор кафедри слов'янської філології і світової літератури Ужгородського національного університету, Ужгород, Україна; <http://orcid.org/0000-0001-7415-7172>

Lyudmila Ustyuhova – Doctor of Philology, Professor of the Slavonic Philology and World Literature Department, Uzhhorod National University, Uzhhorod, Ukraine; <http://orcid.org/0000-0001-7415-7172>